

Глава 1. Первая встреча

В очередной раз его выставили из дома. Он шагал по небольшому дворику, не разбирая дороги от злости, и через пару шагов с размаху пнул стоявший на земле горшок с цветком.

Е Мянй был слишком взвинчен, чтобы смотреть под ноги.

Раздался звонкий треск осколков. Пальцы ног неприятно заныли, и только тогда парень понял, во что угодил. Скривившись, он хмуро уставился вниз.

Глиняный горшок разлетелся вдребезги. Земля вывалилась наружу, сам цветок сиротливо завалился набок, а на носок кроссовка налипла серая грязь.

Парень поморщился от раздражения. Он сплюнул сквозь зубы:

— Блядь.

Оставалось только проклинать свою невезучесть. Но хуже всего было то, что из дома тут же донесся до боли знакомый, пилящий голос:

— Е Мянй! Опять ты там громыхаешь? Я сколько раз говорила: не смей кататься на своем скейте во дворе! Ты мои слова вообще мимо ушей пускаешь? Доиграешься — я этот твой кусок фанеры топором изрублю и в печке сожгу!

Зудеж не прекращался. С тех пор как в семье случилась беда и им пришлось переехать в эту глушь, этот вынос мозга длился уже больше года.

Натянув на голову капюшон куртки, он застегнул молнию до самого подбородка, закрывая рот. Правда, вовремя сообразив, что выглядит при этом как пафосный придурок, Е Мянй тут же опустил бегунок чуть ниже.

Он бросил скейт на асфальт, запрыгнул на ходу и, засунув руки в карманы, покатился прочь. Мир вокруг сузился до шуршания полиуретановых колес по неровной дороге.

Небо затянуло серой хмарью. Слегка дуло, но для начала мая уже стояла духота, так что этот вялый ветерок ничуть не остужал закипавшую злость. Наоборот, только бесил.

Е Мянй до зубовного скрежета ненавидел такую погоду. Сейчас он отдал бы все за ледяной зимний ураган, который вымет бы из головы эту липкую жару. А зимой он точно так же исходил бы нытьем, мечтая о палящем летнем зное.

И почему в этом мире четыре времени года? Неужели нельзя обойтись весной и осенью? Он ведь, как назло, не переносил ни холода, ни жары.

Он свернул на проспект. Машин толком не было, зато со спины то и дело доносился надсадный треск мопедов и наглые гудки. Эти придурки будто издевались над ним — мол, смотри, педальный, сам ногами толкаешься, без мотора.

«Ублюдки, — зло подумал Е Мянъ. — Под колеса фуры бы вас закатать, гонщики хреновы. Раскряхтелись тут своими колымагами, лишь бы показать, какие они крутые. На затылке — прическа «я у мамы дурачок», а гонору на миллион. Хочешь, я тебе полтинник накинута, чтоб ты в парикмахерскую сходил и постригся нормально?»

Главное, он катился по тротуару, на проезжую часть даже не совался. Какого хрена они к нему пристали? Сами еле тащатся, а выпендриваются, будто на спорткарах едут.

Е Мянъ резко оттолкнулся ногой. Скейт полетел вперед, рассекая воздух. Как эти двухколесные недоноски ни выжимали газ, обогнать его они так и не смогли.

В кармане надрывался телефон. Наушников не было, а лезть за ним и отвечать было лень. Мобильник вибрировал прямо у бедра, отчего нога неприятно немела. Пусть звонят. Он и так уже едет, от разговора быстрее двигаться он все равно не станет.

Хороший асфальт закончился. На повороте в переулок Е Мянъ ловко вильнул, поднимая вихрь сухих листьев. Получилось, что он заменял тут дворника.

«Может, устроиться улицы подметать? — лениво подумал он. — Платят, небось, сотен тридцать в день. На новый телефон как раз хватило бы». Ему до безумия хотелось сменить свою развалюху, причем именно на заработанные им самим деньги.

Вскоре он показался у цели и сразу оценил обстановку.

Соскочив со скейта, он позволил доске по инерции покатиться дальше. Деревянная дека с глухим стуком врезалась кому-то в пятку.

— Что за сборы? — хмуро бросил Е Мянъ, буравя парней недобрым взглядом. — Ищете на задницу приключений?

— Какого хуя?! — парень, которого задело доской, резко развернулся, сжав кулаки, но, разглядев Е Мяню, осекся. Он глумливо ухмыльнулся и демонстративно захлопал в ладоши. — Опа, какие люди! Е Мянъ. Ты-то тут какого хера забыл? Скейт, гляжу, новый. Навороченный. Где отжал?

Скинув капюшон, Е Мянъ быстрым взглядом оценил расстановку сил перед дракой.

— В торговом центре купил, за косарь с лишним, — ответил он, пиная доску обратно себе в руку. — Так что, брат Ху, придержите свои замашки щипача для сопливых школьников. На меня они не работают.

Е Мянъ, конечно, прилежным поведением не отличался, но до уровня этой уличной швали опускаться не собирался.

Вокруг раскинулись полуразрушенные кирпичные стены, посреди которых высился Большой баньян, свесивший до самой земли длинные, похожие на бороду воздушные корни. Возле него стояли шестеро. Пятеро из них зажали в угол испуганного паренька в школьной форме.

Подняв скейт, Е Мянъ зажал его под мышкой и шагнул вперед:

— Пятеро на одного? Серьезно? Брат Ху, вы правила этого района не попутали? То, что вы тут мелочь по карманам тырите, меня не колышет. Но если решите распустить руки — придется спросить моего разрешения.

— Сяо Шу, живо ко мне.

Местная шпана знала, что этот малый ходит под Е Мянем.

Сун Сяошу, шмыгая носом, подбежал к нему. На его лице красовалась свежая ссадина, отчего вид у него был довольно жалкий и комичный — видимо, огрести он успел еще до появления спасителя.

— Брат Мянъ, — виновато пробормотал парень. — Это из-за той истории на катке.

Е Мянъ молча кивнул. И дураку понятно, других долгов за ними не водилось. Он поставил скейт вертикально на землю и уперся ладонями в тейл:

— Короче, расклад такой. Хотите драться — давайте прямо сейчас. Нас двое, вас пятеро. Заодно закроем вопрос с катком раз и навсегда. Но если вы еще хоть раз попытаетесь выловить моего кента в подворотне... Да, мы школьники, но мне на учебу плевать, я и так подумываю бросить эту шарагу. Избить вас до полусмерти и вылететь из школы — отличная сделка. Сэкономит мне кучу времени.

Хоть он и сказал «нас двое», но тут же стянул ветровку и швырнул ее поделнику:

— Подержи. Попробуй только испачкать — прибью.

Сун Сяошу поспешно поймал куртку и забился в угол.

Е Мянй пошел один на пятерых. Дрался он всегда бешено, с животной жестокостью — бил без замаха, метил четко в челюсть и глаза. От его тяжелых подач зубы вылетали только так, а уж когда в ход пошел скейтборд... Тяжелая доска, глухо врезавшаяся в ребра и головы, быстро отбивала у гопников желание продолжать.

Спустя пару минут вся пятерка валялась на земле, корчась от боли и завывая. Они со страхом и злостью косились на тяжело дышащего Е Мянй.

— Малого я забрал, — бросил он, отряхивая ладони. — Если захотите продолжить — ищите меня в Средней школе Биньяна.

Е Мянй запрыгнул на скейт и покатился прочь. Сун Сяошу трусил следом, размазывая по лицу кровь из разбитой губы и преданно улыбаясь:

— Брат Мянй, ну ты силен! И лицом красив, и дерешься как бог. Я за тобой до конца жизни ходить буду!

Зрелище было эпичным. Сяо Шу прыгал от восторга, раздавая невидимые удары воздуху, словно это он только что уложил толпу хулиганов.

— Какая еще жизнь, debil? — огрызнулся Е Мянй. — Ты вообще без мозгов остался, Сун Сяошу? Сложно было обойти этих козлов стороной? Тебя же черт знает куда затащили.

В этих глухих трущобах люди неделями не появлялись. Замочат тебя здесь — полиция только через месяц скелет найдет по заявлению о пропаже.

— Да я не виноват! Кто же знал, что я на них нарвусь, пока шел клейкий рис с курицей в лотосовых листьях купить? — Сяо Шу почесал затылок и осторожно спросил: — Кстати, Брат Мянй... ты реально собрался бросать школу? Зачем? У тебя же оценки нормальные, даже в Первую среднюю школу Биньяна поступил. Доучился бы, сдал экзамены, поступил куда-нибудь. На крайняк специальность бы получил.

В конце концов, диплом сейчас везде требуют. Без этой бумажки даже дворником не возьмут.

Е Мянй презрительно фыркнул:

— Надо же, двоечник рассуждает о высшем образовании. Учеба — это скука смертная. В Первую среднюю школу Биньяна я попал только потому, что в средней школе еще хоть как-то старался. А если уж и получать специальность, то проще сразу в профессионально-техническую школу валить, на хрена время в обычной старшей школе терять?

Окружение все-таки сильно меняет людей. С тех пор как они переехали сюда, всякое желание учиться у него отпало. Раньше его хотя бы контролировали, заставляли что-то делать, а теперь

он был предоставлен самому себе. Хотел — шел на уроки, не хотел — забивал.

— Брат Мянъ, а скейт реально за косарь купил? Серьезно, такая роскошь?

Они вышли на открытую улицу. Е Мянъ кивнул в сторону дороги:

— Да не, сам собрал. Короче, лови такси или попутку и дуй домой.

Брат Ху и его банда наверняка уже очухались, так что лучше поскорее убираться отсюда.

Чуть позже Е Мянъ сидел на берегу реки, заросшей густой осокой. Он лениво выдергивал травинки и бросал их в воду, наблюдая, как их уносит течением. Дилемма — учиться дальше или бросить все к чертям — не давала ему покоя уже больше месяца. Первый год старшей школы подходил к концу, впереди маячило разделение на классы, а с его успеваемостью рассчитывать на приличный вуз не приходилось.

Идти в заштатный колледж или третьесортный техникум он не собирался. Тратить три года в школе, а потом еще четыре — в институте ради сомнительной корочки? У него еще крыша не поехала, чтобы так бездарно сливать молодость.

Классный руководитель, конечно, пел соловьем, уверяя, что впереди еще два года и при должном усердии можно совершить рывок. Но Е Мянъ понимал: его поезд ушел. После семейной катастрофы и переезда в это захолустье он потерял ко всему интерес. Ни целей, ни амбиций — абсолютная пустота. Хотя нет, одна цель оставалась: ему были нужны деньги.

Река протекала прямо под эстакадой шоссе. Посередине ее пересекал старый мост. По вечерам на каменистом берегу собирались местные старики в застиранных белых майках. Они неторопливо обмахивались веерами, потягивали дешевый зеленый чай и вели бесконечные разговоры «за жизнь».

Проходя мимо, Е Мянъ заметил на бетоне нарисованные мелом шахматные доски для сянци. Линии были начерчены так ровно, словно по линейке. А ведь деды рисовали их от руки, на глаз. Это умение напомнило ему учителя математики, который мог без циркуля изобразить на доске идеальный круг.

В этом провинциальном городке жизнь текла лениво и размеренно. Люди знали друг друга в лицо, общались просто, и каждый казался по-своему уникальным.

Взять хоть автомеханика дядю Ванга — этот умудрялся чинить обувь, клеить резину и латать старые кастрюли. А по выходным он же стоял на углу и взрывал кукурузу в чугунном котле для попкорна. Если бы Е Мянъ точно не знал, что старик живет один, он бы подумал, что у того

есть брат-близнец.

В полдень берег пустовал — старики подтягивались только к сумеркам. Здесь Е Мянэ мог спокойно побыть наедине со своими мыслями, не опасаясь, что кто-то станет приставать с расспросами или запряжет работать.

Внезапный резкий звук разорвал тишину. На мосту истошно засигналила машина, а затем с визгом тормозов умчалась прочь.

В следующую секунду с моста кто-то рухнул в воду. В воздухе промелькнул неясный темный силуэт, и раздался тяжелый, оглушительный всплеск.

«Решил счета с жизнью свести?» — промелькнула дикая мысль. Для обычного купания место было слишком опасным: высота приличная, да и глубина у опор моста будь здоров.

В голове у Е Мянэ зашумело. Он вскочил и взгляделся в воду у бетонных опор — там кто-то отчаянно барахтался, уходя под воду.

Точно топится!

«Вот же блядство!» — мысленно выругался он.

Сбросив куртку и кроссовки, он ласточкой нырнул в реку и изо всех сил погреб к мосту. Если этот бедолага утонет у него на глазах, Е Мянэ потом затаскают по допросам как свидетеля, а то и как подозреваемого.

Ему стоило огромных усердий вытащить утопленника на берег. Израсходовав весь запас воздуха, Е Мянэ рухнул на траву, жадно хватая ртом кислород. Перед глазамиплыли цветные круги — сказывался слишком резвый заплыв.

Мышцы рук нещадно выли от перенапряжения, плечи онемели. В голове воцарился полный хаос. Еще пять минут назад он сидел здесь, предавался унылой рефлексии, а теперь валяется мокрый до нитки, с бешено колотящимся сердцем. Что вообще произошло? Ах да. Он только что спас человека.

Кое-как переборов слабость, он приподнялся на локтях. Спасенный лежал без движения. Неужели не успел?

— Эй, парень! Очнись! Слышишь меня? — позвал Е Мянэ, слегка тряхнув его за плечо.

Вспомнив приемы первой помощи из фильмов, он сцепил пальцы в замок и наложил ладони на грудную клетку парня, начав делать непрямой массаж сердца. Затем наклонился ухом к груди,

пытаясь уловить хоть какой-то стук.

В этот момент парень судорожно закашлялся и выплюнул струю речной воды прямо Е Мяню в лицо.

За всю свою жизнь Е Мянъ ни разу не оказывался в столь дурацком положении. Если бы этот придурок не находился на грани жизни и смерти, он бы без лишних слов заехал ему по уху за такие нежности.

Вытерев лицо рукавом, он уселся рядом на траве и стал ждать, пока спасенный придет в себя, попутно разглядывая его.

Тот оказался его ровесником. Правильные, утонченные черты лица, безупречный разлет бровей — парень был на редкость красив. Пожалуй, самый симпатичный из всех, кого Е Мянъ когда-либо встречал (если не считать его самого, разумеется). Вот только кожа у него сейчас была белой как мел — ни кровинки в лице после пережитого.

Поскольку парень по-прежнему не открывал глаз, Е Мянъ слегка похлопал его по щекам. Он хотел было достать телефон и загуглить правила реанимации, но вспомнил еще один классический киношный прием.

Искусственное дыхание.

Е Мянъ завис на пару секунд, переваривая эту мысль.

«Серьезно? Мне придется делать ему "рот в рот"? Он же парень! Как-то это... стремно».

Представив эту картину, он содрогнулся от отвращения, пусть даже лежащий перед ним красавчик выглядел как модель с обложки.

«Ладно, хрен с ним. Спасенная жизнь важнее предрассудков», — обреченно подумал Е Мянъ.

Он зажмурился, глубоко вдохнул и наклонился. Но стоило ему приблизиться к лицу парня, как тот резко распахнул глаза.

Взгляд у него оказался на удивление холодным и острым. Оба застыли в нелепой позе, уставившись друг на друга с немим шоком. Е Мянъ пулей отпрянул назад, едва не подавившись собственным дыханием, и зашелся кашлем.

— Тьфу ты! Очнулся — так подай голос, — прохрипел он, вытирая рот. — Напугал до полусмерти.

Пока Е Мяннь откашливался в кулак, спасенный медленно сел и огляделся. Перед ним сидел незнакомый взъерошенный парень, с ног до головы мокрый — точь-в-точь как он сам.

Осмотрев пустынный берег, он все понял. Он едва заметно шевельнул посиневшими от холода губами:

— Ты вытащил меня?

— Спасибо, — тихо добавил Чэн Лян.

Е Мяннь взъерошил мокрые волосы, стряхивая брызги:

— Слушай, ты ведь совсем молодой еще. Столько всего в жизни не пробовал, неужели не жалко вот так в гроб ложиться? Мой тебе совет: не дури. Если случилось что-то паршивое — собери манатки и съезди куда-нибудь. Смена обстановки прочищает мозги.

Утешать людей он никогда не умел, поэтому просто вываливал порцию банальной житейской мудрости в надежде, что она сработает.

— Дорога и физическая усталость отлично лечат от хандры и бытовых проблем, — выдал он мысль, которая совершенно не вязалась с его обычным раздолбайским образом.

Чэн Лян почувствовал, как начинает раскалываться голова. Объяснять что-либо этому странному спасителю не хотелось, поэтому он лишь устало произнес:

— Я не собирался кончать с собой. И топиться тоже.

«Ага, конечно, — скептически подумал Е Мяннь. — Через такое ограждение случайно не перевалишься, если только не скакать по нему как горный козел».

— Ладно, как скажешь, — буркнул он, хлопнув Чэн Ляна по плечу. — Главное — больше так не делай. Жизнь у тебя одна, как бы хреново ни было. Другим выживать в разы тяжелее, так что цени то, что имеешь.

В этот раз Чэн Лян лишь коротко кивнул.

«Точно суицидник», — мысленно резюмировал Е Мяннь.

— Где живешь? Лови такси и дуй домой греться.

Видя, что парень не шевелится, Е Мяннь вздохнул. Гулять так гулять, спасать так до конца. Он

вытащил из мокрой куртки кошелек и извлек оттуда измятую купюру в десять юаней.

— Держи на проезд. И прекращай раскисать, не будь бабой. Ну или давай, прыгай обратно, если не до конца помылся.

Выглядели они оба так, словно подрались в грязи, а потом свалились в реку.

— У меня нет дома, — негромко произнес Чэн Лян. Голос у него был на удивление приятный — глубокий, бархатистый мужской баритон, сформировавшийся после ломки.

«С такой внешностью и голосом ему бы в баре с гитарой выступать, девчонки бы толпами вешались», — подумал Е Мянъ.

— Ладно, вставай, пошли со мной.

Е Мянъ почувствовал, как желудок скрутило от голода. На часах был уже полдень. Придется побыть добрым самаритянином до конца.

Он привел Чэн Ляна в крошечную забегаловку неподалеку. Сам он бывал здесь постоянно: порции огромные, цены копеечные, а лапшу готовили просто божественно.

— Дядюшка, нам две порции лапши со свиной!

— О, Сяо Мянъ! Решил пообедать лапшой сегодня?

— Ага, у вас она самая вкусная.

Хозяин принес две огромные пиалы. Как постоянному гостю, Е Мяню всегда накладывали щедрой рукой, и его молчаливому спутнику досталась такая же богатырская порция.

Чэн Лян брезгливо ткнул палочками в тарелку и нахмурился:

— Это свинина?

Е Мянъ оторвался от еды:

— Ну свинина. И что?

— Я не ем свинину.

«Охренеть просто, — подумал Е Мян. — Я его из реки вытащил, веду обедать за свой счет, а этот барин еще и носом крутит. С чего вдруг я должен перед ним расстилаться? Видите ли, свинину он не ест».

Сдерживая раздражение, он бесцеремонно переложил все кусочки мяса из тарелки Чэн Ляна в свою, а затем крикнул хозяину, чтобы тот принес порцию говядины.

Чэн Лян молча наблюдал за этой нехитрой операцией. На самом деле ему вообще не хотелось мяса, но, наткнувшись на красноречивый взгляд спасителя («Вякнешь еще хоть слово — прибью»), он послушно опустил голову и принялся жевать лапшу с говядиной.

К счастью, палочки Чэн Ляна до этого были чистыми.

После пережитого шока он соображал туго. Аппетита не было совершенно, он вяло ковырялся в тарелке, больше размазывая лапшу по пиале, чем реально ел. В итоге вся порция превратилась в бесформенную кашу.

Е Мян не обращал на это внимания. Он быстро умял свою порцию, расплатился на кассе и молча направился к выходу, даже не взглянув на своего странного гостя.

<http://bllate.org/book/18333/1765882>